

Colonization as a Factor of Russian History in the Understanding of the Scholars of the 19th – early 20th Centuries

Nina S. Tsintsadze

Derzhavin Tambov State University. Tambov, Russia. Email: ninatsintsadze2010[at]yandex.ru
 ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2109-8786>

Received: 7 August 2024 | Revised: 15 October 2024 | Accepted: 24 October 2024

Abstract

The article contains an overview of research practices of the 19th – early 20th on Russian colonization understood as the settlement and economic development of empty or sparsely populated territories. The tasks included the study of the ideas concerning territory development, environment influence, understanding the role of colonization in the formation of the Russian state, as well as the significance of the colonization theory for historiography. The range of sources included scientific works by more than 20 scholars. Among the authors there are thinkers of different scientific schools and trends, which allowed us to consider a wide range of approaches to understanding the phenomenon of the colonization of Russia. Attention is paid to the analysis of both integral and regional interpretation of the colonization process. The theoretical and methodological basis for the study was the concept of “spatial turn”. It is shown that the colonization theory has proven productive in identifying the features of the historical evolution of Russia through the prism of its territorial growth and geographical conditions. Pre-revolutionary scholars noted that the expansion of the country was facilitated by the large capacity of the space of the north-eastern part of the European continent. The predominantly peaceful, but uneven and drawn-out character of colonization with a touch of permanence was emphasized. Researchers have identified its causes, directions, forms and consequences. Space was perceived as a valuable resource, and its scale as an achievement of the joint efforts of the state and society. The vastness of the state territory contributed to the establishment of a strong centralized power. It is concluded that the colonization theory has expanded and enriched historiography with historical, geographical and regional studies. It became one of the metanarratives of historical science in the modern period. Within its framework, the following problematic issues were raised and resolved: the factors of the formation of state territory, the peculiarities of its settlement, the spatial organization of the country. The colonization theory retains a high heuristic potential for the postmodernist study of the genesis of the space of the Russian state, including in the trend of the history of the frontier.

Keywords

Russian Empire; Space; Territory; Frontier; Colonization; Theory of Colonization; “Spatial Turn”; Natural-Geographical Factor of History; Historical Geography; Regional History

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Колонизация как фактор истории России в осмыслении ученых XIX – начала XX в.

Цинцадзе Нина Сергеевна

Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина. Тамбов, Россия.
Email: [ninatsintsadze2010\[at\]yandex.ru](mailto:ninatsintsadze2010[at]yandex.ru) ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2109-8786>

Рукопись получена: 7 августа 2024 | Пересмотрена: 15 октября 2024 | Принята: 24 октября 2024

Аннотация

Статья содержит обзор исследовательских практик XIX – начала XX в. проблемы колонизации России, понимаемой как естественное заселение и хозяйственное освоение пустовавших или малозаселенных территорий Севера Евразии. Среди задач поставлены выявление представлений ученых о характере освоения территории страны, влиянии на этот процесс природно-географической среды, понимания роли колонизации в формировании российского государства, а также оценка значения теории колонизации для историографии. Круг источников составили научные труды более двух десятков ученых. Среди их авторов мыслители разных научных школ и направлений, что позволило рассмотреть широкий диапазон подходов к пониманию феномена колонизации России. Уделено внимание анализу как интегрального, так и регионального осмысления колонизационного процесса. Теоретико-методологической основой для исследования послужила концепция «пространственного поворота». Показано, что теория колонизации оказалась продуктивной для выявления особенностей исторической эволюции России через призму ее территориального роста и географических условий. Дореволюционными учеными отмечено, что расширению страны содействовала большая емкость пространства северо-восточной части европейского континента. Подчеркивался по преимуществу мирный, но неравномерный и затянутый с оттенком постоянности характер колонизации. Исследователями определены ее причины, направления, формы и последствия. Пространство воспринималось как ценный ресурс, а его масштаб – как достижение совместных усилий государства и общества. Громадность государственной территории способствовала установлению сильной централизованной власти. Сделан вывод о том, что теория колонизации расширила и обогатила историографию историко-географическими и краеведческими исследованиями. Она стала одним из метанарративов исторической науки периода модерна. В ее рамках были поставлены и решены проблемные вопросы: факторы складывания государственной территории, особенности ее заселения, пространственная организация страны. Теория колонизации сохраняет высокий эвристический потенциал для постмодернистского изучения генезиса пространства российского государства, в том числе в русле истории фронта.

Ключевые слова

Российская империя; пространство; территория; фронт; колонизация; теория колонизации; «пространственный поворот»; природно-географический фактор истории; историческая география; региональная история

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В ответ на кризис традиционной модели знания и вызовы эпохи постмодерна в современной мировой гуманитаристике заметны различные методологические «повороты» – культурный, лингвистический, антропологический, пространственный и др. (Lyotard, 1979; Репина, 2011 и др.). В рамках последнего применительно к исторической науке акцент перенесен с традиционного концепта «время» на концепт «пространство», понимаемый и как физическое место исторических процессов, и как географический образ культуры (Lefebvre, 1991; Soja, 1996; Benton, 2006; Harvey, 2006; Casey, 2007; Warf & Arias, 2008; Withers, 2009; Middell & Naumann, 2010; Campbell, 2016). Российская наука, обладая солидным теоретическим наследием, также обратилась к переосмыслению пространственной проблематики (Муравьев, 2001; Каганский, 2001; Ахиезер, 2002; Историческая география..., 2011; Митин, 2011; Коновалова, 2013; Молчанов, 2013; Щипков, 2015; Репина, 2019; Бляхер и др., 2021; Савельева, 2021). Однако текущий дискурс страдает некоторым перекосом в сторону конкретно-фактических штудий, избеганием их обобщения, требующего широкого междисциплинарного кругозора. Очевидно, что как для продолжения научного поиска, так и критического анализа фактического материала требуется упорядочение и генерализация эмпирического массива, что позволит глубже понять имеющиеся и будущие тенденции. Определенную помощь в этом может оказать обращение к дореволюционному дискурсу, наполненному идеями о влиянии географической среды на эволюцию общества.

Одной из не утратившей значение является разработанная С. М. Соловьевым и отточенная его учениками и последователями теория колонизации, базирующаяся на том постулате, что колонизация является движущей силой российского исторического процесса. Колонизация при этом понималась как естественное заселение и хозяйственное освоение пустовавших или мало-заселенных территорий Севера Евразии. В современный период процесс колонизации России стал рассматриваться с позиции насилия и захвата властью обжитого другими народами пространства, выстраивания с ними отношений по модели метрополия – колония (Фадеечева, 2007; Родоман, 2008; Эткинд, 2013). Работы в парадигме «внутренней колонизации» до сих пор оцениваются неоднозначно, но вызывают неизменный читательский интерес, имплицитно содержащий запрос на переосмысление «классики».

Теория колонизации продолжает актуализироваться в различных исследованиях. Ее идеи легко угадываются в размышлениях евразийцев и неоевразийцев, видящих своеобразие России в ее гармоничном сочетании европейской и азиатской цивилизации. Рефлексируемая фронтальная теория корреспондируется с вопросами о территориальной динамике страны и подвижности ее границ. К проблеме взаимодействия природы и человека в исторической ретроспективе, в том числе с позиции последствий хозяйственного осво-

ения обществом природного пространства, обращаются специалисты по истории окружающей среды или экологической истории. Широко востребованы идеи о характере заселения России в работах по исторической, экономической, политической и культурной географии. Заметное место мысли о складывании территории страны занимают в «новой имперской истории».

В данной статье представлен обзор исследовательских практик XIX – начала XX в. проблемы колонизации России. Среди задач поставлены выявление представлений ученых о характере освоения территории страны и влиянии на этот процесс природно-географической среды, понимания роли колонизации в формировании российского государства, а также оценка значения теории колонизации для историографии. Круг источников составили научные труды более двух десятков ученых. Среди их авторов мыслители разных научных школ и направлений, что позволило рассмотреть широкий диапазон подходов к пониманию феномена колонизации территории России.

Содержание теории колонизации рассматривается преимущественно разрозненно на примере творчества отдельных широко известных ученых (С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, М. К. Любавского, П. Н. Милокова и др.), оставляя за скобками работы их не менее старательных и талантливых единомышленников. Проведенное нами целостное (однако, далеко не исчерпывающее) изучение применения теории колонизации в период ее появления и расцвета не только в трудах ее создателей, но их научных адептов призвано заполнить эту лакуну. Уделено внимание анализу как интегрального, так и регионального осмысления колониационного процесса.

Теоретической основой для исследования послужила методология «пространственного поворота», ориентирующая на (пере)осмысление проблемы взаимодействия пространства и общества с учетом современных метаморфоз. Продуктивным стало обращение к междисциплинарным методам – синергетическому, историко-географическому и др. Полезны были также методологические подходы истории идей (интеллектуальной истории), исторической имагологии, что способствовало выявлению специфики восприятия колонизации пространства в процессе концептуализации прошлого. В качестве методов исследования использованы специальные методы исторической науки: собственно исторический, историко-генетический, типологический, структурный, функциональный и др. Решение исследовательских задач в части выявления и сопоставления фактов общей и профессиональной биографии ученых, воспринявших и развивших базовые постулаты теории колонизации, обусловило применение просопографического метода. Он помог выявить внутренние связи и уровни концептуального взаимодействия в рамках научно-исторической школы Соловьева-Ключевского не только с позиций учитель – ученики – ученики учеников, но и авторы теории – идейные последователи.

Колонизация России – интегральный подход

Заинтересованное внимание к ландшафту России прослеживается уже в летописях, фиксировавших обширность ее территории и природное разнообразие. По мере увеличения государства и накопления географических знаний о нем формировалось представление об особенностях обживания страны. Мощный импульс для понимания феномена российского пространства в связи с его колонизацией дала экспедиционная деятельность Императорской Академии наук, Императорского Русского географического общества и Генерального штаба. Полученные в результате эмпирические данные о территории, природе и народах России стимулировали размышления о роли географического фактора в складывании и развитии государства.

Одним из первых на взаимосвязь между обилием свободных и слабозаселенных земель Северной Евразии и их активной колонизацией славянами обратил внимание историк М. П. Погодин. Он также подчеркнул свойственную русским людям склонность к постоянному перемещению, бродяжничеству (Погодин, 1846). Его идеи были блестяще развиты учеником С. М. Соловьевым. Историк полагал, что природно-географические условия оказали определяющее влияние на формирование и развитие государства. Само пространство приглашало очутившихся в его пределах людей к освоению и заселению. Оно и предопределило обширность государства. Заселение происходило в основном мирно при незначительных стычках с автохтонными этносами. При этом освоение территории сопровождалось борьбой между оседлыми и кочевыми народами, символически выраженной противостоянием леса и степи. Коммуникации и единству народов способствовала «исполинская система рек». Со временем руководствовавшееся военно-оборонительными потребностями государство взяло под контроль беспрепятственное движение населения по стране. Это, по мнению историка, стало причиной закрепощения всех сословий, слабости общества, неразвитости городов, торговли и промышленности (Соловьев, 1996, с. 706–735).

На длительную колонизацию пространства как обстоятельство усиления государства в России указывали сторонники государственной школы. Так, К. Д. Кавелин считал природу и колонизацию важными условиями исторического процесса в России. Он полагал, что значительные жертвы и усилия, затраченные ею на освоение огромного пространства со сложными природными условиями и борьбу за сохранение независимости, вызвали экономическую и культурную отсталость государства (Кавелин, 1989). Б. Н. Чичерин оценивал пространство страны с точки зрения задерживавших и ускорявших развитие страны обстоятельств. Огромные просторы России, наличие рек и отсутствие гор, редкость населения вызвали «всеобщее разъединение и кочевание». Природа характеризовалась однообразием и скудостью. Вслед за С. М. Соловьевым он полагал, что большая территория и бессвязность общества привели к усилению власти (Чичерин, 1858).

Теорию колонизации дополнил ученик С. М. Соловьева В. О. Ключевский. Историк отметил, что рост государственной территории увеличивал область колонизации. При этом население распространялось не постепенно, путем прироста и расселения, а мигрируя с места на место, как перелетные птицы. Он проводил мысль о мирном характере колонизации. Историк выделил три повлиявшие на историю страны географические особенности: разнообразие почвенно-растительных зон, разветвленность и сложность водной системы, стратегическое значение Окско-Волжского междуречья. Главными природными силами в истории России он называл лес, степь и реки (Ключевский, 1956). Ключевскому принадлежит обстоятельное обоснование формирования в процессе освоения пространства таких характерных черт русского народа как смелость, выносливость, осторожность и пр.

П. Н. Милюков уточнил мысли своего наставника В. О. Ключевского и его учителя С. М. Соловьева о колонизации страны как ведущем факторе истории России. По мнению Милюкова, «Россия последней из европейских стран перешла из рук природы в руки человека», имея в виду позднее ее заселение. Он считал, что увеличение пространства и постоянные колонизационные процессы мешали росту плотности населения и замедляли развитие экономики. Ведущей силой расширения границ было государство, а главными причинами политические (отражение внешней угрозы) и экономические (поиск новых хозяйственных ресурсов). Использование даровых природных запасов привело к экстенсивной и слабой экономике, расхищению естественных богатств. Экономическая неразвитость была также проявлением разобщенности отдельных частей России вследствие плохого состояния путей сообщения. Историк акцентировал сильную организующую роль власти в стране, сдерживавшей бродяжничество народа и закрепостившей его (Милюков, 1896).

Новизной трактовок идеи о решающем влиянии природно-географических условий на колонизацию страны и в целом на ход российской истории отличались работы еще одного ученика В. О. Ключевского – М. К. Любавского (2000). Ученый отметил, что на 90% Россия была создана в результате расселения русского народа по ее территории. Оно проходило как мирно, так и в «упорной и жесткой» борьбе с прежде жившими там народами. Завоеваны были «лишь» Финляндия, Польша, Прибалтика, Закавказье и Средняя Азия.

Главными чертами начального этапа колонизации он считал разобщенность славянских поселений, длительное продвижение по Восточноевропейской равнине, борьбу с обитавшими там финно-угорскими, балтскими и иными племенами, постепенную их ассимиляцию, а также смещение направления колонизации с юга на север под влиянием кочевников. В период монголо-татарского ига наряду с народной, княжеской и феодальной колонизацией появилась монастырская, сыгравшая большую роль в освоении северо-восточных районов страны. Примечательно, что Любавский считал, что равнинный ландшафт Европейской России не объединял, а разъединял

население. Тем самым историк внес уточнение в теорию колонизации своих предшественников, видевших в равнинах и особенно реках фактор связности территории.

После централизации государства колонизация приобрела экстенсивный характер, что, по мнению Любавского, привело к экономической разобщенности и слабой развитости хозяйства, низкому уровню общественного самосознания, доминированию государства, разбросанности населения по территории. Освоение территории продолжало идти по нескольким направлениям и в разных формах. Возникшая в XVII в. казацкая колонизация способствовала освоению не только юга, но и востока страны. Государство шло в Сибирь в русле народного стремления к плодородным землям и природным богатствам.

Заметим попутно, что в своих рассуждениях М. К. Любавский был не одинок. Например, биолог и философ Н. Я. Данилевский видел в России редкий пример складывания государственной территории «без крови и слез». Он это обосновывал тем, что большинство находившихся на догосударственной стадии развития этносов и народностей присоединилось к более сильной и организованной славянской нации, испытывавшей потребность в государственном единстве и имевшей возможность для ее создания. Вошедшие в состав российского государства народы сохраняли свои идентичность и культуру, целенаправленно не ущемлялись и не ассимилировались титульной нацией. Крайние западные и южные территории (Финляндия, Остзейский край, Царство Польское, Бессарабия, Малороссия, Закавказье) вошли в состав России без насилия на праве либо ранее принадлежавших и контролировавшихся, либо по собственной инициативе с целью защиты от агрессивных соседей. Они зачастую обеспечивали округление и безопасность российских границ. Никем практически не заселенная Сибирь была освоена казаками и русскими переселенцами, а не захвачена ими.

Элементы завоевания Данилевский усматривал лишь в присоединении Средней Азии, горного Кавказа и Крыма. Однако по сравнению с честолюбивыми и алчными колониальными европейскими державами территориальные приобретения России выглядели скромно и порой совершались вопреки национальным выгодам. Даже площадь Англии со всеми ее заморскими владениями превышала площадь Российской империи. Ученый постулировал мысль о преимущественно оборонительном характере войн с участием России, за «собственное существование», а не с целью покорить и уничтожить другие народы. «Расселение скачками, через моря» не удавались России, как например, не получилась Русская Америка (Данилевский, 1895).

Мыслитель был убежден, что у России никогда не было колоний:

«Русское государство от самых времен первых московских князей, – есть сама Россия, постепенно, неудержимо расширяющаяся во все стороны, заселяя граничащие с нею незаселенные пространства, и уподобляя себе включенные в ее государственные границы, – инородческие поселения» (с. 531).

Постоянная колонизация обеспечивала России цельность и единство страны. Угроза нападения вначале с востока, потом с запада сделала необходимым усиление государственной власти. Последнее замечание сближает Данилевского с представителями государственной школы.

Разделявший исторические взгляды В. О. Ключевского С. Ф. Платонов складывание территории Московского государства связывал с действием политического, природного и колонизационного факторов. Он показал, что направления и формы последнего, а также хозяйственное развитие и социальный состав отдельных областей зависели от природно-географических условий и степени военной безопасности (Платонов, 1910).

Истории окружавших Москву уездов и областей в начале 1900-х гг. посвятил свое исследование Ю. В. Готье. Испытавший влияние В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова, ученый отметил, что шедшее из центра Русской равнины освоение южных окраин позволило отодвинуть границы Московской Руси и обезопасить их от набегов кочевников. По мере российского утверждения на юге повышалось его экономическое и политическое значение. Существенную роль в истории государства играли миграции населения. Главными путями перемещения были реки. Движущей силой заселения России Готье называл вольную колонизацию, вслед которой двигались правительственная и помещичья (Готье, 1937).

Еще один ученик В. О. Ключевского А. И. Яковлев, разделяя концепцию борьбы леса и степи как в ботаническом, так и социокультурном контексте, считал реки естественной опорой для освоения и защиты страны. Обратившись к проблеме обороны южных границ Московского государства в XVII в., историк подчеркнул большую роль народной колонизации в расширении страны в южном направлении. На защите магистерской диссертации в 1917 г. оппонировавший А. И. Яковлеву М. К. Любавский оспаривал этот тезис, отмечая параллельность вольной и государственной колонизации южных окраин (Тихонов, 2012, с. 170). Однако свое мнение Яковлев аргументировал крепостнической политикой московского правительства XVII в., стремившегося прикрепить крестьян к земле вдоль Большой засечной черты, и тем самым сдерживать стихийное народное стремление к «синему морю». По мнению ученого, в XVII в. колонизационное и военное значение засечных черт XVI в. упало в связи со смещением «настоящей борьбы» «далеко-далеко на юг» и строительством Белгородской засечной черты. Более того, сохранение Большой засечной черты в тылу на фоне медленного, но упорного движения крестьян к южным рубежам парализовало наступательное движение государства (Яковлев, 1916, с. 286–287).

Вывод А. И. Яковлева о приоритете народной колонизации в освоении Юга России не подтверждается современной историографией, в которой справедливо обосновывается синергия правительственной и вольной колонизации. Во многом это стало возможно благодаря новым архивным источникам (Мизис и др., 2024). Да и сам историк указал, что его исследование ограничивалось

периодом до 1638 г. вследствие фрагментарности первоисточников. Несмотря на односторонность некоторых суждений, важно, что в работе Яковлева, основанной на тщательной проработке сложного фактического материала, принята попытка представить целостную картину строительства Большой засечной черты и оборонной политики южной окраины России. Получившееся в итоге исследование дало импульс дальнейшим дополнениям и уточнениям по истории формирования государственной территории.

Подпав под влияние исторической теории С. М. Соловьева, Н. П. Барсов изучил географические условия расселения и жизни славян в Восточной Европе. Он выявил закономерности и направления колонизационного движения в связи с экономико-географическими обстоятельствами. Историк уточнил географическое положение отдельных регионов государства, динамику его политических границ. Особый акцент Барсов делал на реках как ключевом факторе возникновения и колонизации Киевской Руси (Барсов, 1873).

А. А. Спицын также подчеркнул значение рек в освоении пространства России, ведь они способствовали заселению территории и сообщению между людьми. В пространственном расширении России он отдавал приоритет народной колонизации (Спицын, 1917).

С. М. Середонин отмечал, что территориальное расширение государства на юг и запад осуществлялось военным способом, а на северо-восток – путем народной колонизации при поддержке власти. Ученый высказал ценную мысль о том, что «история окраин есть в тоже время история колонизации» (Середонин, 1916, с. 13). По его мнению, благодаря свойственным русским «любви и способности к передвижению» они заняли пространство от Бессарабии до Камчатки. Энергичное колонизационное движение на северо-восток и восток было вызвано не только встреченным там слабым сопротивлением, но и хозяйственно-экономическими интересами: поиском новых природных ресурсов, данников. Инициативу в колонизации проявляли купцы, промышленники, поморы, казаки, вслед за которыми шло государство, укрепляя их завоевания, то есть частный интерес был ведущим в росте территории страны. Именно он подарил России «целые края». Завоеванию новых территорий способствовали военно-техническое оснащение, сноровка в передвижении водными путями и умение «быстро и легко сходиться с инородцами». Как считал Середонин, покорителей Азиатской России двигала «особая горячка», «особое чувство» сродни золотоискателям (Середонин, 1914).

Региональная проекция теории колонизации

В русле идей о колонизации России развивалась локальная история. Результаты местных исследований дополнили историографию конкретными историко-географическими и этнографическими фактами в контексте образования и заселения территории российского государства. Особенно преуспели в этом представители украинской научной школы и историки Сибири.

В частности, истории заселения Слободской Украины и степного юга Русского государства были посвящены труды Д. И. Багалея. Он отмечал, что овладение южными рубежами происходило в результате борьбы с «дикой степной» природой и набегами кочевников. Ведущая роль в этом принадлежала государственной (военной) колонизации. Наряду с ней он различал мирную (хозяйственную) колонизацию. Разновидностями последней были земледельческая (крестьянская), торгово-промышленная, монастырская и казацкая. Историк исследовал также феномен стимулированного правительством заселения Юга России иностранцами (Багалея, 1887; 1889). При этом мнение ученого о подталкивавших русских крестьян на степную окраину «психологических импульсах» в новейших исследованиях признается оригинальным, но не убедительным (Ляпин, 2019).

Опираясь на взгляды историков С. М. Соловьева, А. П. Шапова, географа М. И. Венюкова, историк М. В. Довнар-Запольский акцентировал влияние физико-географических условий и колонизационного процесса на уровень экономического развития страны. Главными природными условиями ученый считал обширность пространства, преимущественную его равнинность, удаленность от морей, неудачность расположения рек и короткий период их судоходности, бедные почвы и «суровый или достаточно суровый» климат. Все это заставляло русских людей напряженно бороться с природой и людьми в ущерб интеллектуальному развитию, интенсификации экономики, росту городов и торговли. Громадность территории стала причиной милитаризованности государства и налогового давления на общество. В то же время он признавал, что равнинный ландшафт и речные пути благоприятствовали колонизационному движению, предопределили главную историческую миссию русского народа как колонизатора. Историк особо подчеркнул, что рост государственной территории был обеспечен в основном стихийным колонизационным движением, а не завоеваниями. Военная сила играла роль охраны заселенных территорий, а не их подчинения. Он также отметил несоответствие размера пространства количеству населения, низкую его плотность.

М. В. Довнар-Запольский указал на зависимость направлений хозяйства от природных богатств страны. Удачное географическое положение России позволяло ей быть посредником в торговле между Востоком, Западом и Севером, а также активно торговать своими товарами на мировом рынке. Направления колонизации ученый связывал с условиями торгово-промышленной деятельности. Если в древнейший период колонизация носила промысловый и торговый характер, то, по мере затухания торговых путей, она превратилась в земледельческую (Довнар-Запольский, 1911).

Роли украинского казачества в освоении ранее принадлежавших Крымскому ханству и Османской империи территорий были посвящены не бесспорно воспринимаемые труды ряда историков (Бантыш-Каменский, 1830; Кулиш, 1856–1857; Костомаров, 1863–1872; Эварницкий, 1892–1897; Грушев-

ский, 1913–1914 и др.). Помимо прочего они рассматривали колониционную активность казаков в контексте взаимоотношений между христианскими и мусульманскими государствами, в которых казаки играли роль борцов за христианские ценности (Прохоров, 2000). В этом понимании они были фронтирменами (жителями межцивилизационного, межкультурного, межконфессионального пространства), как их деятельность применительно к освоению дальневосточных рубежей российского государства маркируется некоторыми учеными (Бредихин, 2024).

Вообще, вопрос о социальных практиках освоения пространства России, в том числе с учетом историографического наследия, имеет большой исследовательский потенциал в рамках отдельных изысканий. Отметим также и некоторые неминуемые сложности в этой работе. Одна из них связана с тем, что история расширения российского государства за счет присоединения земель, обозначавшихся в Российской империи как Новороссия, Малороссия, Слободская Украина, Левобережная Украина и иные исторические области региона, имеет обширную и дискуссионную историографию, зачастую крайне политизированную, что затрудняет ее критический обзор, требует самостоятельного вдумчивого междисциплинарного обсуждения специалистов. Проблемы территориального размежевания и национального самоопределения традиционно являются социально значимыми и конфликтогенными, предполагая для их исследования эрудированность и профессионализм.

Вопросы освоения Сибири стабильно привлекали внимание интеллектуалов. В заселении ее «исполинского пространства» П. А. Словцов подчеркнул значение народной колонизации. Он полагал, что правительство взяло регион под управление с подачи промышленников, позже укрепив свое присутствие через города и остроги (Словцов, 2006).

Оригинальное видение истории России в связи с колонизацией Сибири было у А. П. Щапова. Основное ее содержание он сводил к взаимодействию, в том числе в форме борьбы, сформировавшихся в ходе колонизации территориально-этнографических «самообразований» (областей) с политикой централизации Московского государства. Территориальная дифференциация страны, по его мнению, была проявлением разнообразия отечественных природных условий. Ученый указал, что географическое положение страны определило «вековое напряжение физических сил» в процессе расширения территории и колонизации, активной борьбы с окружающими народами и пассивного сопротивления суровой северной природе. Избыток свободной земли сделал земледельчество в виде земледельческой колонизации и военное дело в форме военно-служилой колонизации основными занятиями славян. Крестьянская колонизация, составляя главный фактор развития государства, зависела от природно-климатических и географических условий. При этом территория России росла непропорционально количеству населения. Пространство вызвало «раздельность, раскидистость» колонизации, сформировало в народе страсть к «разгулу, к расходчивости». Сохранявшееся до XVI в. обилие лесов

обеспечило преобладание лесной, земледельческой, деревенской колонизации над полевой, торгово-промышленной, городской (Шапов, 1906).

Последователь А. П. Шапова Н. М. Ядринцев осмысливал Сибирь как продукт колонизации. Он вслед за немецким экономистом В. Рошером относил регион к типу внутренней, земледельческой колонии, имевшей, в отличие от военных и торговых, просторы и малонаселенность. Он выделял два вида колонизации – народную (самовольную) и казенную (принудительную). Строительство городов было результатом военной колонизации. За ней шли торговая и промышленная. Ведущую роль в освоении края играла земледельческая колонизация. Движение населения осуществлялось преимущественно по рекам. Благодаря колонизации России удалось закрепить за собой обширные владения, а населению экстенсивно наращивать свое благосостояние (Ядринцев, 1892).

Более взвешенной была позиция П. Н. Буцинского, согласно которой заселение Сибири, как и иных окраин Российской империи, осуществлялось солидарными усилиями правительства и народа. Успеху освоения Сибири, по его мнению, способствовало умение русских приспосабливаться к природно-климатическим условиям и уживаться с представителями разных культур (Буцинский, 1889).

Ряд краеведов и столичных исследователей, изучавших историю присоединения к Московскому государству южных и юго-восточных земель, также апеллировали к теории колонизации (Перетяткович, 1877; 1882; Соколовский, 1878; Дубасов, 1890; Чекалин, 1892; Миклашевский, 1894; Черменский, 1911). Они уделили большое внимание анализу природно-географических условий, определивших характер заселения территорий, подчеркивали роль государственных и общественных акторов в инкорпорации новых земель в состав России. Показательно, что Г. И. Перетяткович посвятил свой труд памяти С. М. Соловьева. И. Н. Миклашевский, один из первых рассмотревший вопрос о колонизации территории Курской и Воронежской губерний в связи с историей землевладения и земледелия, указал на идейное влияние П. Н. Милюкова.

Перечисление краеведческих исследовательских практик можно продолжить. Очевидно одно – на протяжении позднеимперского периода теория колонизации широко апробировалась на местных материалах, позволивших раскрыть ее концептуальную ценность и методологическое значение.

Заключение

Теория колонизации оказалась продуктивной для выявления особенностей исторической эволюции России через призму ее территориального роста и природно-географических условий. Благодаря ей внимание фокусировалось на существенных характеристиках пространства и его роли в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии страны. При этом геогра-

фический фактор рассматривался в совокупности с иными обстоятельствами и не переоценивался.

Учеными солидарно отмечалось, что территориальному размаху и движению населения содействовала большая емкость пространства северо-восточной части европейского континента. Расширение государства было следствием колонизации. Акцентировался по преимуществу мирный, но неравномерный и затянутый с оттенком постоянности характер колонизации. Историками определены ее причины (военно-политические, хозяйственные), направления (северо-восток, юго-запад, юго-восток, восток), формы (общественная, государственная, иностранная) и результаты. Последним уделялось особое внимание в силу их вклада в понимание специфики России. Выделялись социальные (разобщенность), экономические (экстенсивность, замедленные темпы экономики), политические (укрепление самодержавия) и культурно-психологические (адаптивность, предприимчивость, терпимость к чужим культурам, но изолированность от Европы) последствия освоения страны.

Мыслители подметили, что природа страны была одновременно и объектом, и субъектом колонизации. Мощным ее катализатором выступали реки. Пространство воспринималось как ценный ресурс, а его масштаб – как достижение совместных усилий государства и общества, при которых народ зачастую выступал инициатором земельных приобретений, а власть легитимировала их. Обширность государственной территории способствовала установлению сильной централизованной власти в России.

Теория колонизации не только качественно обогатила решение проблемы пространственного развития российского государства, но и расширила историографию за счет интенсификации историко-географических и краеведческих исследований. В ее рамках были поставлены и решены вопросы проблемного уровня: факторы складывания государственной территории, особенности ее заселения, пространственная организация страны. Ценно, что тезис о колонизирующей России стал основой для (само)постижения страны, которое перманентно, как и сам процесс колонизации. Именно оно приближает к пониманию внутренних императивов большого и сложно устроенного государственного образования, где одним из alter ego является ландшафт.

Теория колонизации стала одним из метанарративов исторической науки эпохи модерна. Она сохраняет высокий эвристический потенциал для постмодернистского осмысления генезиса пространства российского государства. Представляется, что применительно к фронтальным исследованиям фактологически насыщенные работы в русле колонизации помогут выявить маркеры превращения фронта в традиционную территорию, изучить явления (ре)колонизации ряда регионов и пр.

Высказанное более ста лет назад глубокое наблюдение С. М. Середонина о тождественности «истории окраин» и «истории колонизации» имеет не только теоретическое, но и практическое значение для государственного

регулирования пространственного развития России. Грамотная «сверка часов» с историческим опытом сэкономит время на определение «болевых точек» и выбор приоритетов, повысит целесообразность принимаемых административных решений и эффективность их исполнения.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00395.

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00395.

Список литературы

- Benton, L. (2006). Spatial Histories of Empire. *Itinerario*, 30(3), 19–34. <https://doi.org/10.1017/S0165115300013358>
- Campbell, C. J. (2016). Space, Place and Scale: Human Geography and Spatial History in Past and Present. *Past & Present*, gtw006. <https://doi.org/10.1093/pastj/gtw006>
- Casey, E. S. (2007). Boundary, place, and event in the spatiality of history. *Rethinking History*, 11(4), 507–512. <https://doi.org/10.1080/13642520701645552>
- Harvey, D. (2006). Space as a Keyword. In N. Castree & D. Gregory (Eds.), *David Harvey* (1st ed., pp. 70–93). Wiley. <https://doi.org/10.1002/9780470773581.ch14>
- Lefebvre, H. (1991). *The Production of Space*. Blackwell.
- Lyotard, J.-F. (1979). *La condition postmoderne [The postmodern condition]*. Les Éditions de Minuit. (In French).
- Middell, M., & Naumann, K. (2010). Global history and the spatial turn: From the impact of area studies to the study of critical junctures of globalization. *Journal of Global History*, 5(1), 149–170. <https://doi.org/10.1017/S1740022809990362>
- Soja, E. W. (1996). *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Blackwell Publishers.
- Warf, B., & Arias, S. (2009). *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203891308>
- Withers, C. W. J. (2009). Place and the “Spatial Turn” in Geography and in History. *Journal of the History of Ideas*, 70(4), 637–658. <https://doi.org/10.1353/jhi.0.0054>
- Ахиезер, А. С. (2002). Российское пространство как предмет осмысления. *Отечественные записки*, 6, 72–76.
- Багaley, Д. И. (1887). *Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства*. Издательство Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете.
- Багaley, Д. И. (1889). *Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры*. Типография Г. Корчак-Новицкого.

- Бантыш-Каменский, Д. Н. (1830). *История Малой России: В 3 частях*. Типография С. Селивановского.
- Барсов, Н. П. (1873). *Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи*. Типография Варшавского учебного округа.
- Бляхер, Л. Е., Демьяненко, А. Н., Киреев, А. А., Клиценко, М. В., Ламашева, Ю. А., Лебедева, М. М., Леонтьева, Э. О., Малкова, Н. Ю., Украинский, В. Н., Ярулин, И. Ф., & Ячин, С. Е. (2021). «Пространственный поворот» и его интерпретация в российской науке и институциональной практике. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 2, 46–59. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/46-59>
- Бредихин, А. В. (2024). Казачество в условиях фронтальной модернизации (на примере Дальнего Востока конца XIX – начала XX в.). *Журнал Фронтальных Исследований*, 9(3), 127–142. <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i3.628>
- Буцинский, П. Н. (1889). *Заселение Сибири и быт первых ее насельников*. Типография губернского правления.
- Готье, Ю. В. (1937). *Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси*. Соцэкгиз.
- Грушевский, М. С. (1913–1914). *История украинского козачества до соединения с Московским государством: В 2 томах*. Типография 1-й Киевской артели.
- Данилевский, Н. М. (1895). *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. Типография братьев Пантелеевых.
- Довнар-Запольский, М. В. (1911). *История русского народного хозяйства (Т. 1)*. Типография И. Чоколова.
- Дубасов, И. И. (1890). *Очерки из истории Тамбовского края*. Типография губернского правления.
- Историческая география: Пространство человека vs человек в пространстве*. (2011). Издательство РГГУ.
- Кавелин, К. Д. (1989). *Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры*. Правда.
- Каганский, В. Л. (2001). *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Новое литературное обозрение*.
- Ключевский, В. О. (1956). *Сочинения (Т. 1)*. Госполитиздат.
- Коновалова, И. Г. (2013). От источниковедения к исторической географии: Опыт Института всеобщей истории РАН. *Средние века*, 74(3–4), 8–26.
- Костомаров, Н. И. (1863–1872). *Исторические монографии и исследования: В 12 томах*. Типография «Общественная польза».
- Кулиш, П. А. (1856–1857). *Записки о Южной России: В 2 томах*. Типография А. Якобсона.
- Любавский, М. К. (2000). *Историческая география России в связи с колонизацией*. Лань.
- Ляпин, Д. А. (2019). Социальная организация сельского населения Юга России в XVII в. *Quaestio Rossica*, 7(2), 601–614. <https://doi.org/10.15826/qv.2019.2.396>
- Мизис, Ю. А. (Ред.). (2024). *Южный и юго-восточный фронт России в XVI – XVIII века: Очерки истории*. Алтайр.

- Миклашевский, И. Н. (1894). *К истории хозяйственного быта Московского государства, 1, Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века*. Типография Д. Иноземцева.
- Милюков, П. Н. (1896). *Очерки по истории русской культуры, 1*. Типография И. Скороходова.
- Митин, И. И. (2011). На пути к воображаемой географии: Два поворота, три пространства. *Топос*, 1, 62–73.
- Молчанов, В. И. (2013). История и пространство. Деструкция темпоральной историчности. *Вопросы философии*, 7, 24–36.
- Муравьев, В. А. (2001). Историческая география: Выбор пути. В *Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института* (с. 67–86). Издательство РГГУ.
- Перетяткович, Г. И. (1877). *Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации)*. Типография Грачева и Ко.
- Перетяткович, Г. И. (1882). *Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края)*. Типография П. Зеленого.
- Платонов, С. Ф. (1910). *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.* Типография М. Александрова.
- Погодин, М. П. (1846). *Историко-критические отрывки (Т. 1)*. Типография А. Семена.
- Прохоров, Д. А. (2000). Некоторые проблемы изучения истории Крымского ханства в отечественной историографии (1920–1930 гг.). В *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* (с. 370–392). б. и.
- Репина, Л. П. (2011). *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика*. Круг.
- Репина, Л. П. (2019). История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота. *Диалог со временем*, 69, 5–16. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46413>
- Родоман, Б. Б. (2008). Страна перманентного колониализма. В *Трансформация российского пространства: Социально-экономические и природно-ресурсные факторы* (с. 130–138). ИГ РАН.
- Савельева, И. М. (2021). Пространственный поворот и всемирная история. В *С любовью к науке. К юбилею Т. А. Тоштендаль-Салычевой* (с. 53–70). Издательство РГГУ.
- Середонин, С. М. (1914). Исторический очерк завоевания Азиатской России. В *Азиатская Россия* (Т. 1, с. 1–38). Товарищество А. Маркса.
- Середонин, С. М. (1916). *Историческая география*. Типография Главного управления уделов.
- Словцов, П. А. (2006). *История Сибири. От Ермака до Екатерины II*. Вече.
- Соколовский, П. А. (1878). *Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом*. Типография Ф. Сущинского.
- Соловьев, С. М. (1996). *Сочинения: Т. XVII*. Мысль.
- Спицын, А. А. (1917). *Русская историческая география*. Типография Я. Башмаков и Ко.
- Тихонов, В. В. (2012). *Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина*. Нестор-История.
- Фадеичева, М. А. (2007). Урал в системе «внутреннего колониализма». *Свободная мысль*, 6, 45–54.

- Чекалин, Ф. Ф. (1892). *Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Паровая скоропечатня губернаторского правления.*
- Черменский, П. Н. (1911). *Правительственная колонизация. Известия Тамбовской губернской учёной архивной комиссии, LIV, 191–281.*
- Чичерин, Б. Н. (1858). *Опыты по истории русского права.* Типография Э. Барфхихта и Ко.
- Шапов, А. П. (1906). *Сочинения, 2.* Издательство М. Пирожкова.
- Щипков, В. А. (2015). Трансформация дискурса пространства: От традиционного общества к эпохе постмодерна. *Вестник МГИМО университета, 3, 76–84.*
- Эварницкий, Д. И. (1892–1897). *История запорожских козаков: В 3 томах.* Типография И. Скороходова.
- Эткинд, А. М. (2013). *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России.* Новое литературное обозрение.
- Ядринцев, Н. М. (1892). *Сибирь как колония.* Издательство И. Сибирякова.
- Яковлев, А. И. (1916). *Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства.* Типография Г. Лиснера и Д. Совко.

References

- Akhiezer, A. S. (2002). Russian space as a subject of comprehension. *Otechestvennyye Zapiski: The Journal of Russian Thought, 6, 72–76.* (In Russian).
- Bagaley, D. I. (1887). *Essays from the history of colonization and life of the steppe outskirts of the Moscow State.* Publishing house of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. (In Russian).
- Bagaley, D. I. (1889). *Colonization of the Novorossiysk region and its first steps on the path of culture.* Typography by G. Korchak-Novitsky. (In Russian).
- Bantysh-Kamensky, D. N. (1830). *History of Little Russia: In 3 parts.* Tipography of S. Selivanovsky. (In Russian).
- Barsov, N. P. (1873). *Sketches of Russian historical geography. Geography of the Initial Chronicle.* Tipography of the Warsaw Educational District. (In Russian).
- Benton, L. (2006). Spatial Histories of Empire. *Itinerario, 30(3), 19–34.*
<https://doi.org/10.1017/S0165115300013358>
- Blyakher, L. E., Demyanenko, A. N., Kireev, A. A., Klitsenko, M. V., Lamasheva, Yu. A., Lebedeva, M. M., Leontyeva, E. O., Malkova, N. Yu., Ukrainskiy, V. N., Yarulin, I. F., & Yachin, S. E. (2021). “Spatial Turn” and Its Interpretation in Russian Science and Institutional Practice. *Ojkumena. Regional Researches, 2, 46–59.* <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/46-59> (In Russian).
- Bredikhin, A. V. (2024). Cossacks in the Conditions of Frontier Modernization (on the example of the Far East in the late 19th – early 20th centuries). *Journal of Frontier Studies, 9(3), 127–142.*
<https://doi.org/10.46539/jfs.v9i3.628> (In Russian).
- Butsinsky, P. N. (1889). *The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants.* Typography of the provincial government. (In Russian).

- Campbell, C. J. (2016). Space, Place and Scale: Human Geography and Spatial History in Past and Present. *Past & Present*, gtw006. <https://doi.org/10.1093/pastj/gtw006>
- Casey, E. S. (2007). Boundary, place, and event in the spatiality of history. *Rethinking History*, 11(4), 507-512. <https://doi.org/10.1080/13642520701645552>
- Chekalin, F. F. (1892). *Saratov Volga region from the most ancient times to the end of the 17th century*. Steam printing of the governor's board. (In Russian).
- Chermensky, P. N. (1911). Government colonization. *Izvestiya Tambovskoy gubernskoy uchennoy archivnoy archivnoy komissii*, LIV, 191-281. (In Russian).
- Chicherin, B. N. (1858). *Experiments on the History of Russian Law*. Tipography of E. Barfhiecht and Co.. (In Russian).
- Danilevsky, N. M. (1895). *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romanic world*. Pantheleev Brothers Printing House. (In Russian).
- Dovnar-Zapolsky, M. V. (1911). *History of the Russian national economy* (Vol. 1). Typography of I. Chokolov. (In Russian).
- Dubasov, I. I. (1890). *Essays from the history of the Tambov region*. Typography of the provincial board. (In Russian).
- Etkind, A. M. (2013). *Internal colonization. Russia's imperial experience*. New Literary Review. (In Russian).
- Evarnitsky, D. I. (1892-1897). *History of the Zaporozhye Kozaks: In 3 volumes*. Typography of I. Skorokhodov. (In Russian).
- Fadeicheva, M. A. (2007). The Urals in the system of "internal colonialism". *Svobodnaya Mysl*, 6, 45-54. (In Russian).
- Gotye, Yu. V. (1937). *Zamoskovsky krai in the 17th century. An experience of research on the history of the economic life of Moscow Rus*. Sotsekgiz. (In Russian).
- Grushevsky, M. S. (1913-1914). *History of the Ukrainian Kozachestvo before the connection with the Moscow State: In 2 volumes*. Typography of the 1st Kiev Artel. (In Russian).
- Harvey, D. (2006). Space as a Keyword. In N. Castree & D. Gregory (Eds.), *David Harvey* (1st ed., pp. 70-93). Wiley. <https://doi.org/10.1002/9780470773581.ch14>
- Historical geography: Human space vs human in space*. (2011). Publishing house of the Russian State University for the Humanities. (In Russian).
- Kagansky, V. L. (2001). *Cultural Landscape and Soviet Habitable Space*. New Literary Review. (In Russian).
- Kavelin, K. D. (1989). *Our mental system: Articles on the philosophy of Russian history and culture*. Pravda. (In Russian).
- Kluchevsky, V. O. (1956). *Works* (Vol. 1). Gospolitizdat. (In Russian).
- Konovalova, I. G. (2013). From Source Studies to Historical Geography: The Experience of Institute of World History, the Russian Academy of Sciences. *Srednie Veka. Studies on Medieval and Early Modern History*, 74(3-4), 8-26. (In Russian).
- Kostomarov, N. I. (1863-1872). *Historical monographs and studies: In 12 volumes*. Tipography "Obschestvennaya polza". (In Russian).

- Kulish, P. A. (1856-1857). *Notes on Southern Russia: In 2 volumes*. A. Yakobson's Typography. (In Russian).
- Lefebvre, H. (1991). *The Production of Space*. Blackwell.
- Lyapin, D. A. (2019). The Social Organisation of the Rural Population of Southern Russia in the Seventeenth Century. *Quaestio Rossica*, 7(2), 601–614. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.2.396> (In Russian).
- Lyotard, J.-F. (1979). *La condition postmoderne [The postmodern condition]*. Les Éditions de Minuit. (In French).
- Lyubavsky, M. K. (2000). *Historical geography of Russia in connection with colonization*. Lan. (In Russian).
- Middell, M., & Naumann, K. (2010). Global history and the spatial turn: From the impact of area studies to the study of critical junctures of globalization. *Journal of Global History*, 5(1), 149–170. <https://doi.org/10.1017/S1740022809990362>
- Miklashevsky, I. N. (1894). *To the History of the Economic Life of the Moscow State, 1, Settlement and Agriculture of the Southern Suburbs of the Seventeenth Century*. Typography of D. Inozemtsev. (In Russian).
- Milyukov, P. N. (1896). *Essays on the History of Russian Culture, 1*. Typography of I. Skorokhodov. (In Russian).
- Mitin, I. I. (2011). On the Way to Imaginary Geography: Two Turns, Three Spaces. *Topos*, 1, 62–73. (In Russian).
- Mizis, Y. A. (Ed.). (2024). *The southern and southeastern frontier of Russia in the sixteenth and eighteenth centuries: Essays in History*. Altair. (In Russian).
- Molchanov, V. I. (2013). History and space. Destruction of temporal historicity. *Voprosy Filosofii*, 7, 24–36. (In Russian).
- Muravyev, V. A. (2001). Historical geography: Choosing a path. In *Scientific and pedagogical school of source studies of the Institute of History and Archives* (pp. 67–86). Publishing house of the Russian State University for the Humanities. (In Russian).
- Peretyatkovich, G. I. (1877). *The Volga region in the 15th and 16th centuries (sketches from the history of the region and its colonization)*. Tipography of Grachev and Co. (In Russian).
- Peretyatkovich, G. I. (1882). *The Volga region in the 17th and early 18th centuries (sketches from the history of colonization of the region)*. Tipography of P. Zeleny. (In Russian).
- Platonov, S. F. (1910). *Essays on the history of the Troubles in the Moscow State of the 16th–17th centuries*. Tipography of M. Aleksandrov. (In Russian).
- Pogodin, M. P. (1846). *Historical and critical passages* (Vol. 1). Tipography of A. Semyon. (In Russian).
- Prokhorov, D. A. (2000). Some problems of studying the history of the Crimean Khanate in the Russian historiography (1920–1930). In *Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria* (pp. 370–392). n. p. (In Russian).
- Repina, L. P. (2011). *Historical Science at the Turn of the 20th– 21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practice*. Krug. (In Russian).
- Repina, L. P. (2019). History of the Regions, or “Historian’s Territory” after Spatial Turn. *Dialog so vremenem*, 69, 5–16. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46413> (In Russian).

- Rodoman, B. B. (2008). The country of permanent colonialism. In *Transformation of Russian space: Socio-economic and natural-resource factors* (pp. 130-138). IG RAS. (In Russian).
- Savelyeva, I. M. (2021). Spatial turn and world history. In *With love to science. To the anniversary of T. A. Toshtendal-Salycheva* (pp. 53-70). Publishing house of the Russian State University for the Humanities. (In Russian).
- Seredonin, S. M. (1914). Historical sketch of the conquest of Asiatic Russia. In *Asiatic Russia* (Vol. 1, pp. 1-38). Comradeship of A. Marx. (In Russian).
- Seredonin, S. M. (1916). *Historical geography*. Typography of the Main Directorate of Udeles. (In Russian).
- Shchapov, A. P. (1906). *Essays, 2*. Published by M. Pirozhkov. (In Russian).
- Shchipkov, V. A. (2015). Transformation of Space Discourse: From Traditional Society to Postmodern Era. *MGIMO Review of International Relations*, 3, 76–84. (In Russian).
- Slotvsov, P. A. (2006). *History of Siberia. From Ermak to Catherine II*. Veche. (In Russian).
- Soja, E. W. (1996). *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Blackwell Publishers.
- Sokolovsky, P. A. (1878). *Economic life of the agricultural population of Russia and colonization of the south-eastern steppes before serfdom*. Typography by F. Sushchinsky. (In Russian).
- Soloviev, S. M. (1996). *Works: Vol. XVII. Mysl*. (In Russian).
- Spitsyn, A. A. (1917). *Russian historical geography*. Typography by Ya. Bashmakov and Co. (In Russian).
- Tikhonov, V. V. (2012). *Moscow Historical School in the First Half of the 20th Century: The Scientific Work of Y. V. Gotye, S. B. Veselovsky, A. I. Yakovlev and S. V. Bakhrushin*. V. Bakhrushin. Nestor-Istoriya. (In Russian).
- Warf, B., & Arias, S. (2009). *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives*. Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9780203891308>
- Withers, C. W. J. (2009). Place and the “Spatial Turn” in Geography and in History. *Journal of the History of Ideas*, 70(4), 637–658. <https://doi.org/10.1353/jhi.0.0054>
- Yadrintsev, N. M. (1892). *Siberia as a colony*. Publishing house of I. Sibiryakov. (In Russian).
- Yakovlev, A. I. (1916). *Zasechnaya line of the Moscow state in the 17th century: Sketch from the history of the defense of the southern outskirts of the Moscow state*. Typography of G. Lissner and D. Sovko. (In Russian).